

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Оформление серии и иллюстрация на переплете
П. Петрова

Лавряшина, Юлия Александровна.
Л13 Навеки твой : [сборник] / Юлия Лавряшина. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-099541-7

«Я хочу, чтобы ты соблазнила моего мужа», — однажды попросила Люсю сестра ее лучшей подруги. И это было тем более странно, что со стороны семья казалась вполне счастливой, а Павел — сильный, симпатичный, brutальный — являлся едва ли не идеалом мужчины. Но что поделать, если каждый из этой троицы запутался в собственных чувствах и утратил почву под ногами?!

И Люся согласилась. Но вот что из этого вышло?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099541-7

© Лавряшина Ю., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

*Лэрис, Принцесса
и Ланселот*

Современная легенда

В Каине будет наших дней гаситель.

Д а н т е. Божественная комедия.

Ад. Песнь пятая.

Кошка съела мышку. Что может быть разумнее? Если б только это не была моя диковатая недотрога, моя страстная девственница, неувимая прелесть бесцветных дней. Она душила мышь не спеша, чуть отступая и любясь видом агонии, как художник любит удачным мазком. С отвращением наблюдая за этой сценой, я уловила промелькнувшую в душе зависть: моей Принцессе удалось создать саму смерть. Опомнившись, я поспешила покинуть место казни, но кошка пришла почти следом, сохраняя на морде выражение кровожадного блаженства. Подумать только: моя неженка зарычала, когда я слишком приблизилась к ее добыче.

Мне казалось, что теперь я не смогу притронуться к ней, но уже спустя полчаса мы вновь ласкались, мурлыча, почесывая шейку, покусывая пальцы. И я подумала: почему на российском гербе никогда не присутствовала кошка? Куда больше, чем с орлом, у русского человека сходства именно с кошкой. Та же неистребимая ленивая созерцательность, та же роковая подверженность пагубным страстям, бросающая из драки в загул на неделю, та же знаменитая загадочность как русской, так и кошачьей души.

Истинным кошкам не нужны машинки для счета денег, но их требуется все больше. Нуворишам

не надоест подсчитывать доходы. Вилфреду Сагену¹ их норвежские двойники казались косяками блестящей сельди. Меня мама приучила смотреть на них, как на мальков. Лишь примитивные организмы, говорила она, способны испытывать страсть не к человеку, а к деньгам и власти. Выражение «Там, наверху, видней!» было ей чуждо. Мальки могут быть только внизу.

Другое дело — кошки.

* * *

В том сентябре солнце еще не щадило себя и беспечно рассыпалось теплыми «зайчиками» по бесчисленным верхушкам деревьев. Теперь уже не бывает таких сентябрей, мое детство жадно впитало их и, уничтожив, обессмертило, как янтарь сохраняет навечно угодившую в смолу мошку. Если поднести камень к глазам, то можно разглядеть скрюченные лапки и замершие крылышки. Если зажмуриться, легко увидеть, как мы идем втроем по сырой, увядающей траве, которая еще не догадывается, что пришла осень, и молодится изо всех сил.

Чувствуя некоторую неловкость, мы проходим среди опустевших дачных домиков и останавливаемся возле нашего любимого. Собственная дача нам не по карману, и мы кружим возле чужих. Нам неизвестно, кто живет здесь летом, потому что мы приезжаем сюда только в сентябре. Но круглый самодельный стол под чуткими соснами, издали приветливо розовеющий влажными досками, и пять чурбачков-стульчиков вокруг него наводят на мысль о большой семье, в которой есть отец.

¹ Вилфред Саген — герой романа норвежского писателя Юхена Боргена «Маленький лорд».

Мне кажется, что мама думает об этом каждый раз, когда мы присаживаемся на чурбачки и Андрей за чем-то принимается сдувать скомканные темные листья. Мама никогда не останавливает его и не делает замечаний, но на лицо ее налипают паутинка грусти. Я толкаю брата ногой, он спохватывается и затихает. Несколько минут мы сидим молча, одинаково сторбившись и зажав озябшие руки между коленями, словно поминаем кого-то, и даже знаем — кого, но никогда не произносим вслух его имени, пока этого не делает мама.

Но вот она поднимает голову, и я с облегчением замечаю, что в ее глазах закипает веселье. Мы вскакиваем и бежим по тропинке, повизгивая от касаний высоченной крапивы и сбивая задремавшие капли росы со слабых папоротниковых перьев. Кажется, всюду пахнет грибами, но мы-то знаем, что найти их будет не так просто. Конечно, мы попытаемся, за тем и приехали, но чуть позже. Сначала мы должны взглянуть с горы на долину реки, которая в городе отпугивает серой мутью, а здесь лениво и ласково искрится.

Вдоль берега безмятежно распластались деревеньки с неизвестными нам именами. Они так далеко, а гора под ногами так круто уходит вниз, что чудится, будто мы парим над землей, и над излучиной реки, и над Змеиным логом, до которого так ни разу и не дошли.

Андрей кричит во все горло, приветствуя своих любимцев: разлапистые деревья, стоящие особняком среди согретой солнцем долины. Брат в который раз доказывает, будто с нашей площадки они похожи на здоровенного кабана и поднявшегося на задние лапки сказочного ежика. Это действительно так, но я не соглашаюсь с ним. Ему везде мерещатся чудеса, и это наводит на тревожные мысли о слабоумии. В тринадцать лет мальчишки не должны видеть сказочных

ежиков. Мама слушает наш спор, улыбаясь, но мы оба знаем: она тоже любит этих несуществующих зверюшек.

«Пойдемте, — говорит она и обнимает нас за плечи. — Уже начинает припекать, того и гляди — грибки сбегутся».

Я привычно возражаю: «Настоящие грибки еще на заре все выбрали».

Мама отвечает обычной насмешливой улыбкой, от которой чуть заметно дрожат узкие крылья носа, и ведет нас через березняк, пронизанный косыми лучами солнца. От белых крепких стволов и приглушенного света здесь особый, молочный воздух, и мы затихаем, чуть слышно ступая по влажной земле. На краю рощи солнечным маяком вспыхивает ослепительная лиственница. Она выводит нас на узкую полосу желтого поля. Взгляд спотыкается о темные, тяжелые стога, но эта нарочитая угрюмость никого не может обмануть, ведь давно известно, сколько удовольствия таится в колкой душистой куче сена.

«Оно сырое, — останавливает мама. — Еще простудитесь».

Брат восторженно вопит, завидев пасущихся коров, и, вырвав пучок травы, бросается к одной из них — покормить с рук. Но животное не стремится к близости с человеком. Завидев Андрея, корова подхватывается и легко, по-лошадиному гарцуя, бежит прочь.

Мама хохочет, разметав черные волосы, а брат уже находит новую радость — целое семейство черных грузд. Он едва не наступил на них, когда гнался за коровой. Деловито осмотрев грибы, мама складывает их в корзину — слишком большую, нам не набрать столько.

Вскоре и я приношу первую добычу. Я со всех ног бегу к маме, склонившейся над громадной корягой, но она безразлично отбрасывает мою находку: «Это ядовитые, не бери такие».

«Ты точно знаешь? — не отстаю я. — Они совсем не похожи на поганки».

«Конечно, знаю». Она уже идет дальше, раздвигая палкой подсохшую траву, но ее слова не убеждают меня.

Я нахожу выброшенные мамой грибы, прижимаю их к груди и, глядя на ее удаляющуюся, охваченную солнцем фигуру, хочу крикнуть: «Почему, если у меня, так непременно — поганки?!»

* * *

Когда я выходила от мамы, бережно прикрывая больничную дверь, пухлые прошитые бока которой от усталости покрывались мелкой испариной, зимние сумерки каждый раз ловили меня в сети призрачной красоты. Было не положено замечать ее, но она лезла в глаза так же нахально, как моя кошка к чужой тарелке — зажмурившись, вытянув острую морду.

Из тишины больничного парка крадучись наполнили тени, распластавшиеся на слежалом снегу, как хорошо обученные солдаты. Моему брату не пришлось мерзнуть в снегах, его тело обожгло чеченское солнце, и каждое лето с тех пор одевалось в траур. Природа старательно вычеркивала из моей души привязанность к самым долгим временам года — сейчас был декабрь, и у мамы уже не хватало сил дожить до весны.

Заглядевшись на мягкий колобок запорошенного снегом куста, я опять прозевала, как испарилась, вместе с остывающим на лету дыханием, обязательная мысль о нелюбви к зиме. Воздух, прошедший через мои легкие, теперь наберется кислорода и вольется в чей-то рот, соединив меня невидимой нитью с чужим человеком. Породнит нас... Эта мысль была отвратительна, меня даже передернуло, и я обнаружила, что замерзаю.

Можно было постоять у одинокого столба с нервно подрагивающей табличкой, сообщавшей, какие номера автобусов, возможно, останутся тут, но стоило мне только представить бьющийся в бесконечной агонии салон, продуваемый всеми ветрами и все же переполненный едким запахом отработанного газа, как меня неудержимо тянуло пройти пешком. Тем более все равно через остановку пришлось бы выходить, а тратиться на билет, чтобы на десять минут раньше оказаться в осиротевшей квартире, я не могла себе позволить. Да и, признаться, после часового пребывания у маминой постели хотелось немного размять ноги, сквозь подошвы лоя ощущение упругости раздавленного снега.

Все фонари вдоль улицы, ведущей к нашему дому, светят по-разному. Из мертвенно-фиолетового, разбавленного неуверенностью сумерек, попадаешь в медовое тепло фонаря-новичка, но впереди уже ждет неприкрытая тоновым стеклом яркость обычной лампы. Эти-то домашние лампы всегда и раздражали меня сильнее всего.

Я шла домой, мечтая о весне, и мне казалось, эти мысли о маме. Только поравнявшись с низенькой музыкальной школой, оставленной мною после четырех лет борьбы с собственными пальцами, я поняла, что на самом деле думаю о Лэрис.

Она приснилась мне сегодня, и этот сон был до того не похож на другие ночные видения, что до сих пор не отпускал меня. Мне привиделось огромное поле свежих, едва распустившихся тюльпанов, тугих, окропленных росой...

Но было ничуть не зябко сидеть среди влажных цветов, дожидаясь скорого рассвета, ведь в коленях у меня копошился крошечный теплый совенок. Заботило только то, что нужно было накормить птенца, а я никак не могла вспомнить, чем питаются совы. Го-

лодный совенок стал щипать мне руки, сначала робко, но постепенно все больше входя в раж и раздирая кожу. Стало больно, а из боли родился страх перед безупречной красотой подрагивающих на утреннем ветру тюльпанов. Хотелось побежать, ломая сочные стебли, пачкая босые ноги цветочным соком, но что-то удерживало, будто я была пригвождена к этому месту.

Внезапно из низкорослых цветочных зарослей выскочила крохотная лягушка. Совенок встрепенулся, учуяв добычу, и оставил в покое мои руки. Я поспешно накрыла лягушку ладонью и, ощутив судорожные толчки влажного тельца, крепко сжала кулак.

— Ешь, дурачок, — шепнула я совенку и слегка придушила лягушку.

Она замерла, но, раскрыв ладонь, я встретила полный ужаса взгляд и вскрикнула, сбросив ее на землю. Мне показалось, что на меня посмотрел мой погибший брат.

Чья-то тень накрыла нас всех. Я подняла голову и увидела Лэрис...

Из приоткрытой форточки донеслись звуки Моцарта. Оплывшие на крыльце голуби встрепенулись и недовольно заурчали, нервно дергая шеями. Они не выглядели голодными, эти музыкальные голуби, но все же мне стало неловко оттого, что нечего им покрошить. В сумке лежала только коробка конфет, ни с того ни с сего подаренная мне утром матерью одного из моих воспитанников. Я отнесла ее своей маме, но она отказалась, напомнив, что никогда не любила сладкого. Правда, мне так и не удалось вспомнить — правда это или нет на самом деле.

Я следила за голубями, за едва заметным паром, поднимавшимся над их неутомными головами, и убеждала себя, что птицы не станут есть конфеты. Даже если Моцарт будет звучать вечно. Вдруг захотелось зай-

ти внутрь, в школу, из которой я сбежала семь лет назад, и подарить конфеты своей бывшей учительнице. Я все еще чувствовала перед ней вину, потому что даже тогда понимала — в отношении меня она питает особые надежды, порожденные разноцветьем дипломов, полученных мною на разных конкурсах. Сама я принимала их с некоторым удивлением и даже стыдом, прекрасно понимая, что жюри в очередной раз оплошало. Но Ирина Михайловна об этом не подозревала. Тогда она была удивительно милым и добрым человеком.

Уже оказавшись в вестибюле школы, я вдруг испугалась и начала лихорадочно подыскивать объяснения своему запоздалому визиту. Если я сознаюсь, что зашла просто отдать ей эти надоевшие мне конфеты, то не смогу простить себе этого до конца жизни. Наверное, я придумала бы что-нибудь убедительное, но в этот момент Ирина Михайловна, провожая ученицу, распахнула дверь своего (все того же!) кабинета. И она сама, и все вокруг было прежним: тот же облупившийся бюст Чайковского у входа, те же скрипичные ключи на стенах, тот же сладкий запах инструментов и старых нот...

— Наташа! — произнесла она с такой радостью, что я едва не залилась краской. — Господи, девочка моя, как ты выросла! Что ты здесь делаешь?

Лэрис бы сумела придумать что-нибудь трогательное и красивое. Я же призналась беспомощно:

— Просто захотелось зайти...

— Не может быть.

Еще бы, я и сама в это не верила!

— И тебе, в самом деле, ничего от меня не надо?

Это было уж слишком — я едва не разревелась от стыда. Но Ирина Михайловна схватила меня за руку тонкими крепкими пальцами, тепло которых было давно мною забыто, и потащила в кабинет. Здесь уже были зажжены лампы, спрятанные в круглые абажу-

ры, — вульгарные подоби́я ландышевых головок. Наверняка их не протирали со времен моего обучения. Ландыши близ угольного террикона!

Усадив меня в единственное кресло, Ирина Михайловна устроилась за письменным столом, покрытым исцарапанным оргстеклом с синей изолянтной ободку. Это стекло лежало тут вечно и не собиралось исчезать. Из кресла я не видела, что хранилось под стеклом, но была уверена, что пара забавных детских фотографий там обнаружится без труда. Мама никогда не совала знакомым наши с Андреем снимки.

— Ну, надо же! — Ирина Михайловна никак не могла успокоиться. — Как же я рада тебя видеть!

— Я думала, вы меня не узнаете, — глупо сказала я. Еще бы ляпнула — «надеялась»!

— Ну что ты! Я помню всех своих учеников. Их же у нас не так и много. А уж таких, как ты... Да рассказывай же, чем занимаешься? Как мама?

Она была единственным человеком, задавшим мне этот вопрос за последнюю неделю, и я поняла, что зашла сюда только затем, чтоб его услышать. И все же начала я не с главного.

— Так ты работаешь в школе? У мамы? Воспитателем? В третьем классе? — казалось, ей никогда не надоест удивляться. — А почему в институт не поехала поступать? Струсила?

Я скосила глаза на коричневое фортепиано, стоявшее в углу, и светлая пыль на нем показалась мне похожей на песок.

— У меня тогда брат погиб. Там, в Чечне. И мама вскоре заболела. Злокачественная опухоль. Знаете, от нее стало пахнуть. Это ужаснее всего... Такой странный запах... Теперь я жду Лэрис, я ей написала о маме. Лэрис была невестой брата.

Можно было не сомневаться, что Ирина Михайловна сочувствует, просит не отчаиваться, крепить-